

Ольга Берггольц

Ленинградская поэма (фрагмент)

I

Я как рубеж запомню вечер:
декабрь, безогненная мгла,
я хлеб в руке домой несла,
и вдруг соседка мне навстречу.
— Сменяй на платье, — говорит, —
менять не хочешь — дай по дружбе.
Десятый день, как дочь лежит.
Не хороню. Ей гробик нужен.
Его за хлеб сколотят нам.
Отдай. Ведь ты сама рожала... —
И я сказала: — Не отдам. —
И бедный ломоть крепче сжала.
— Отдай, — она просила, — ты
сама ребенка хоронила.
Я принесла тогда цветы,
чтоб ты украсила могилу. —
...Как будто на краю земли,
одни, во мгле, в жестокой схватке,
две женщины, мы рядом шли,
две матери, две ленинградки.
И, одержимая, она
молила долго, горько, робко.
И сил хватило у меня
не уступить мой хлеб на гробик.
И сил хватило — привести
ее к себе, шепнув угрюмо:
— На, съешь кусочек, съешь... прости!
Мне для живых не жаль — не думай. —
...Прожив декабрь, январь, февраль,
я повторяю с дрожью счастья:
мне ничего живым не жаль —
ни слез, ни радости, ни страсти.

Перед лицом твоим, Война,
я поднимаю клятву эту,
как вечной жизни эстафету,
что мне друзьями вручена.
Их множество — друзей моих,
друзей родного Ленинграда.
О, мы задохлись бы без них
в мучительном кольце блокады.

II

.....
.....

III

О да — и н а ч е н е м о г л и
ни те бойцы, ни те шоферы,
когда грузовики вели
по озеру в голодный город.
Холодный ровный свет луны,
снега сияют исступленно,
и со стеклянной вышины
врагу отчетливо видны
внизу идущие колонны.
И воеет, воеет небосвод,
и свищет воздух, и скрежещет,
под бомбами ломаясь, лед,
и озеро в воронки плещет.
Но вражеской бомбежки хуже,
еще мучительней и злей —
сорокаградусная стужа,
владычащая на земле.
Казалось — солнце не взойдет.
Навеки ночь в застывших звездах,
навеки лунный снег, и лед,
и голубой свистящий воздух.

Казалось, что конец земли...
Но сквозь остывшую планету
на Ленинград машины шли:
он жив еще. Он рядом где-то.
На Ленинград, на Ленинград!
Там на два дня осталось хлеба,
там матери под темным небом
толпой у булочной стоят,
и дрогнут, и молчат, и ждут,
прислушиваются тревожно:
— К заре, сказали, привезут...
— Гражданочки, держаться можно...—
И было так: на всем ходу
машина задняя осела.
Шофер вскочил, шофер на льду.
— Ну, так и есть — мотор заело.
Ремонт на пять минут, пустяк.
Поломка эта — не угроза,
да рук не разогнуть никак:
их на руле свело морозом.
Чуть разогнешь — опять сведет.
Стоять? А хлеб? Других дожидаться?
А хлеб — две тонны? Он спасет
шестнадцать тысяч ленинградцев.—
И вот — в бензине руки он
смочил, поджег их от мотора,
и быстро двинулся ремонт
в пылающих руках шофера.
Вперед! Как ноют волдыри,
примерзли к варежкам ладони.
Но он доставит хлеб, пригонит
к хлебопекарне до зари.
Шестнадцать тысяч матерей
пайки получают на заре —
сто двадцать пять блокадных грамм
с огнем и кровью пополам.
...О, мы познали в декабре —
не зря «священным даром» назван
обычный хлеб, и тяжкий грех —

хотя бы крошку бросить наземь:
таким людским страданьем он,
такой большой любовью братской
для нас отныне освящен,
наш хлеб насущный, ленинградский.

IV

Дорогой жизни шел к нам хлеб,
дорогой дружбы многих к многим.
Еще не знают на земле
страшней и радостней дороги.
И я навек тобой горда,
сестра моя, москвичка Маша,
за твой февральский путь сюда,
в блокаду к нам, дорогой нашей.
Золотоглаза и строга,
как пруттик, тоненькая станом,
в огромных русских сапогах,
в чужом тулупчике, с наганом,—
и ты рвалась сквозь смерть и лед,
как все, тревогой одержима,—
моя отчизна, мой народ,
великодушный и любимый.
И ты вела машину к нам,
подарков полную до края.
Ты знала —я теперь одна,
мой муж погиб, я голодаю.
Но то же, то же, что со мной,
со всеми сделала блокада.
И для тебя слились в одно
и я и горе Ленинграда.
И, ночью плача за меня,
ты забирала на рассветах
в освобожденных деревнях
посылки, письма и приветы.
Записывала: «Не забыть:
деревня Хохрино. Петровы.

Зайти на Мойку сто один
к родным. Сказать, что все здоровы,
что Митю долго мучил враг,
но мальчик жив, хоть очень
слабый...»

О страшном плене до утра
тебе рассказывали бабы
и лук собирали по дворам,
в холодных, разоренных хатах:
— На, питерцам свезешь, сестра.
Проси прощенья — чем богаты...—
И ты рвалась — вперед, вперед,
как луч, с неодолимой силой.
Моя отчизна, мой народ,
родная кровь моя,— спасибо!

V

.....
.....

VI

Вот так, исполнены любви,
из-за кольца, из тьмы разлуки
друзья твердили нам: «Живи!»,
друзья протягивали руки.
Оледеневшие, в огне,
в крови, пронизанные светом,
они вручили вам и мне
единой жизни эстафету.
Безмерно счастье мое.
Спокойно говорю в ответ им:
— Друзья, мы приняли ее,
мы держим вашу эстафету.
Мы с ней прошли сквозь дни зимы.
В давящей мгле ее терзаний

всей силой сердца жили мы,
всем светом творческих дерзаний.

Да, мы не скроем: в эти дни
мы ели землю, клей, ремни;
но, съев похлебку из ремней,
вставал к станку упрямый мастер,
чтобы точить орудий части,
необходимые войне.

Но он точил, пока рука
могла производить движенья.
И если падал — у станка,
как падает солдат в сраженье.

И люди слушали стихи,
как никогда, — с глубокой верой,
в квартирах черных, как пещеры,
у репродукторов глухих.

Конец ознакомительного фрагмента

Эту книгу Вы можете взять:

- в отделе абонемента по адресу г. Оренбург, ул. Правды, 7
- в читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20.

Получить доступ к электронной версии книги Вы можете в электронном читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20, 2 этаж.